

ГОДЪ

XXXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылною ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 44.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Нievской
духовной Семинаріи.

1898 года, ноября 1-го.

Содержаніе: О колоколахъ и звонѣ.—Краткія свѣдѣнія, относящіяся къ изученію Библіи (продолженіе).—Народныя представленія, соединяемыя съ именами святыхъ безсребренниковъ Космы и Даміана

О колоколахъ и звонѣ.

Въ первые три вѣка—время гоненія на Церковь христіане, чтобы не привлекать на себя вниманія язычниковъ и не подвергнуться опасности гоненій съ ихъ стороны, собирались къ богослуженію ночью, въ потаенныя мѣста (катакомбы), о началѣ богослужебныхъ собраній извѣщались тихо, безъ шума. Епископъ или священникъ, по окончаніи божественной службы, объявлялъ присутствовавшимъ при богослуженіи христіанамъ о днѣ, часѣ и мѣстѣ слѣдующихъ богослужебныхъ собраній; если же почему либо нельзя было этого сдѣлать, то вѣрующіе призывались къ богослуженію

через вѣстниковъ—діаконовъ и діакониссъ, при чемъ первые должны были ходить по домамъ и извѣщать каждаго христіанина мужескаго пола, а вторыя женщинъ—христіанокъ. Когда же прошло время гоненій, религія христіанская была объявлена господствующей, число христіанъ значительно увеличилось, почувствовалась нужда въ лучшихъ и болѣе удобныхъ способахъ призыва къ общественной молитвѣ. Въ это время мы и встрѣчаемъ, между прочимъ, призывъ къ богослуженію въ монастыряхъ посредствомъ трубы. Святой Пахомій въ своемъ уставѣ иноческаго общежитія предписываетъ, „чтобы всякій монахъ, услышавъ голосъ трубы, зовущей въ церковь, выходилъ изъ своей кельи“; киновиты горы Синая созывались тоже по звуку священной трубы. Впрочемъ, вмѣстѣ съ этимъ были и другіе способы призыва къ богослуженію. Въ нѣкоторыхъ женскихъ монастыряхъ Палестины знакъ къ собранію подавала ходившая по домамъ монахиня пѣніемъ: „аллилуіа“. Въ другихъ монастыряхъ былъ обычай ходить по всѣмъ монашескимъ келліямъ и созывать братію въ церковь, особенно для ночныхъ молитвенныхъ собраній, посредствомъ ночнаго знака или будильнаго молотка, которымъ одинъ изъ братій, ходя по келліямъ, ударялъ въ двери каждой (объ этомъ способѣ упоминаетъ Іоаннъ Мосхъ). Въ послѣдствіи (около 5-го или 6-го в.) является болѣе удобный способъ призыва къ богослуженію, очевидно имѣющій тѣсную связь съ предыдущимъ, посредствомъ ударовъ въ доску деревяннымъ молоткомъ. Орудіе это, описанное Іеронимомъ Магіемъ и изображенное Дидрономъ, называется „симантронъ“—знакъ, и бываетъ большой и малый, изъ дерева и желѣза. По различію устройства и матеріала, это орудіе носитъ и различныя названія, именно: „токъ“, „било“, „клепало“. Устройство и употребленіе ихъ, по свидѣтельству пресвященнаго Порфирія (Успенскаго), таково: токъ—выдѣланная изъ сухого дерева узкая, длинная доска съ круглымъ перехватомъ посрединѣ; звонарь держитъ ее за перехватъ на ладони лѣвой руки: „такъ, такъ, такъ“; учащая удары, онъ

подъ конецъ дѣлають ихъ съ такою быстротою и съ такимъ искусствомъ, что звуки тока походятъ на трель барабана. Било—сухая недлинная доска, изъ которой тоже деревяннымъ молоткомъ извлекаются звуки, похожіе на звукъ: „ту, ту, ту“! При этомъ различалось большое и малое било. Первое должно было звучать сильнѣй и потому дѣлалось изъ особаго дерева—хвора; большія била были висячими; ихъ вѣшали при церквахъ въ особыхъ башенкахъ—бильницахъ или просто на столбахъ, разставленныхъ въ видѣ покоя; малое било было ручнымъ. Клепало—висячее металлическое било, выдѣланное изъ желѣза или мѣди въ видѣ не толстой полудуги; когда ударяють въ него молоткомъ, оно издаетъ тонкіе и нѣжные звуки: „тинь, тинь, тинь“. Иногда дѣлалось клепало изъ камня; наравнѣ съ висячимъ встрѣчается и малое ручное клепало. Всѣ ударенія въ деревянные и металлическія била бывають трехъ родовъ: „удареніе малое, великое и желѣзное“. Удареніе малое на малыхъ вечерняхъ, малозвучное и глухое, означаетъ древнихъ пророковъ и только-какъ бы снѣ и прообразованія будущихъ событій; удареніе великое, производимое на праздничныхъ утренихъ, какъ звонкое и разносящееся по воздуху, знаменуетъ во всю землю ишедшее вѣщаніе Евангелія. Вальсамонъ пишетъ: „для благовѣстія Божественнаго Евангелія и для чтенія прочихъ священныхъ книгъ при общественномъ собраніи, по общему уставу св. града Іерусалима, написанному св. Саввою, изобрѣтено великое удареніе, а удареніе въ желѣзное или мѣдное било выражаетъ намъ будущій судъ и знаменуетъ ту ангельскую трубу, которая имѣетъ созвать всѣхъ изъ гробовъ къ суду общему“.

Какъ для первыхъ христіанъ изъ евреевъ естественнѣе всего было воспользоваться способомъ призыва къ богослуженію еврейскимъ (Числ. 10, 2—11), такъ на западѣ христіане изъ язычниковъ могли скорѣе всего быть созываемы въ молитвенное собраніе тѣмъ способомъ, какой былъ въ употребленіи у римлянъ для созыва народа по разнымъ слу-

чаямъ. Имѣя въ виду, что въ послѣдующее время христіане созывались посредствомъ колоколовъ, можно полагать, что первообразомъ ихъ были римскіе колокольчики, которые служили оффиціальнымъ призывнымъ знакомъ при открытіи бань, или колокольчики, бывшіе въ употребленіи въ домашнемъ обиходѣ. Но и на западѣ, какъ и на востокѣ, въ первые три вѣка гоненій на христіанъ со стороны язычниковъ нельзя было и думать о такомъ открытомъ созывѣ къ богослуженію, когда строго преслѣдовалось и самое богослуженіе. Вотъ почему мы и не встрѣчаемъ до 4-го вѣка упоминаній о колоколахъ, и только около этого времени мы встрѣчаемъ преданіе, связывающее происхожденіе колоколовъ церковныхъ съ св. Павлиномъ, епископомъ Ноланскимъ, въ римской провинціи Кампаньи, жившимъ въ концѣ 4-го и началѣ 5-го в. Преданіе это—таково. Св. епископъ Павлинъ возвращался однажды изъ обозрѣнія своей епархіи, гдѣ встрѣтилъ много суетвѣрія, равнодушія и невѣрія. Въ душевной скорби онъ палъ на землю и съ горячей молитвой обратился къ Творцу. „Воззови, Господи, молился онъ, къ этой бѣдной, земной землѣ гласомъ свыше. Открой облака, что насъ раздѣляютъ отъ Тебя. Соедини сердца наши при нашей разрозненности узами вѣрчайшихъ цѣпей. Собери блуждающее, Боже и Господи нашъ. Не скрой лица Твоего отъ насъ. Дай намъ чувствовать дыханіе Твоего духа, чтобы сердца наши были привлекаемы къ Тебѣ и не блуждали въ безграничной темнотѣ“. Утомленный дальнимъ путешествіемъ и душевной тревогой, старецъ засыпаетъ и видитъ чудное видѣніе. При легкомъ вечернемъ вѣтеркѣ раздается тихій, тихій звонъ полевыхъ колокольчиковъ, тихо качаемыхъ на своихъ стебелькахъ свѣтлыми ангелами, и онъ слышитъ, какъ тихо, божественно, нѣжно раздаются изъ цвѣточной чашечки серебристые звуки. Это видѣніе и цвѣты никогда не выходили изъ головы старца и по возвращеніи въ Нолу. У св. Павлина эти цвѣты стояли всегда предъ глазами въ стаканѣ съ водой, и онъ съ любовію наблюдалъ строеніе ихъ, желая на-

учиться извлекать изъ нихъ слышанные имъ серебристые звуки для прославленія Бога. Онъ пригласилъ однажды со-сѣда, мѣдника по ремеслу, и вмѣстѣ съ нимъ сталъ изучать строеніе цвѣтка. Мѣдникъ, внимательно изслѣдовавши строеніе колокольчика-цвѣтка, сказалъ, что таково и должно быть устройство колокола, и отлилъ колоколъ. Св. Павлинъ взялъ молотокъ и съ трепетомъ ударить въ отлитый колоколъ, и, когда послышались серебристые звуки, св. епископъ, обнаживъ свою сѣдую голову, палъ на колѣна съ благодарственной горячей молитвой къ Богу. Это—преданіе. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно—то, что впервые вѣрующіе на западѣ стали созываться къ богослуженію епископомъ Ноланскимъ Павлиномъ въ Нолѣ-городѣ, въ Кампаніи. Поэтому и колокола удержали названіе кампановъ (campana, pola) какъ въ Греціи, такъ и у насъ въ богослужебныхъ книгахъ 1). Что же касается названія „колоколъ“, то оно происходитъ отъ слова „сlossa“, употреблявшагося у латинянъ около 8 вѣка для означенія того же понятія, какое и мы соединяемъ съ словомъ „колоколъ“. Съ половины 6-го вѣка колокола на западѣ входятъ во всеобщее употребленіе и первоначально помѣщались подъ крышей, какъ видно изъ того, что, когда въ Испаніи было воздвигнуто гоненіе Маврами, приказано

1) Впрочемъ, Вальсамонъ (12 в.), извѣстный греческій законовѣдъ, такъ объясняетъ слово „кампанъ“. У латинянъ, говоритъ онъ, существуетъ обычай созывать народъ въ храмъ посредствомъ одного знака, разумѣю кампано, который названъ такъ отъ поля (campos): ибо, говорятъ они, какъ поле для желающаго путешествовать не представляетъ препятствій, и высокій звукъ мѣдно-струннаго звонца разносится всюду. Другіе объясняютъ это названіе тѣмъ, что большіе колокола отливались на полѣ (in campo). Но болѣе принятое мнѣніе первое, что „кампанъ“ получилъ свое названіе отъ провинціи Кампаніи, гдѣ отливались лучшіе колокола, потому что эта провинція славилась своей хорошей мѣдью. Пособ. къ изуч. Уст. Богосл. Прав. Церкви. К. Никольскаго 1894 г. стр. 33—34, примѣч. 7.

было уничтожить колокола вмѣстѣ съ крышами; впоследствии начали устраивать и колокольни. Такъ, по слову Анастасія, Стефанъ III построилъ въ 770 году башню для 3 колоколовъ надъ церковью св. Петра въ Римѣ. Въ 9 вѣкѣ колокола не только становятся необходимою принадлежностью каждаго сельскаго храма на западѣ, но входятъ въ употребленіе даже на востокѣ. Бароній (въ лѣто 865 подъ числомъ 7) говоритъ: „въ этомъ году вошли у грековъ въ употребленіе колокола. Начало сему обыкновенію положилъ Урсусъ, дожъ Венеціанскій, приславъ первый колоколъ Кесарію Михаилу, вслѣдствіе его прошенія“. Но на востокѣ колокола не могли войти въ такое всеобщее употребленіе, какъ на западѣ, во первыхъ, вслѣдствіе приверженности грековъ къ старинѣ, а во-вторыхъ, потому, что турки, завоевавши Константинополь, уничтожили большую часть колоколовъ; а если гдѣ не были они уничтожены, запрещено звонить въ нихъ, и только въ мѣстахъ пустынныхъ и уединенныхъ, гдѣ турки не могутъ быть особенно встревожены ихъ звономъ, можно встрѣтить звонъ колокола и то меньшаго, такъ что и доселѣ въ общемъ употребленіи на востокѣ тѣ же древнія била, токи и клепала. Григоровичъ-Барскій, извѣстный путешественникъ по св. мѣстамъ, говоритъ: „въ Аѳонскихъ монастыряхъ не всѣ имѣютъ кимвалы (колокола); если гдѣ въ новоустроенныхъ монастыряхъ и есть колокола, то ихъ употребляютъ только въ дни воскресные и праздничные, а ежедневный благовѣстъ къ церковному богослуженію производится въ деревянныя и желѣзныя била: къ обыкновенной вечернѣ созываютъ посредствомъ деревянаго била великаго, а если на вечернѣ положено пѣніе псалма: „Блаженъ мужъ“, то ударяютъ въ желѣзное клепало.

Съ принятіемъ христіанства съ востока въ 10 вѣкѣ и восточнаго греческаго богослуженія, Церковь Русская вмѣстѣ съ тѣмъ приняла и восточные способы созыванія вѣрующихъ къ богослуженію и, конечно, прежде всего тѣ, которые оказались на Руси болѣе удобными. Колокола требовали для

своего приготовления искусства,—и большого, о какомъ въ то время на Руси и мечтать нельзя было, а готовые колокола приобрѣтать изъ-за-границы—Греціи или запада стоило не дешево, да, вѣроятно, большіе и нелегко было доставить въ Россію. Вотъ почему въ русскихъ лѣтописяхъ мы и встрѣчаемъ за первое время указанія только на била и клепала. Такъ, предъ кончиною Θεодосія Печерскаго братія „ударша въ била и собраша вси“ (Полн. Собр. Лѣтоп. 1 стр. 80). О Новгородской церкви св. Филиппа по случаю литья колокола въ 1558 году сказано: „и си бысть колокола большого и никакого и отъ созданія церквей каменныхъ св. апостола Филиппа и великаго чудотворца Николы 175 лѣтъ а били *жельзное клепало*“. Въ древнихъ церквахъ била и клепала вѣшали у входныхъ дверей церкви, и память объ этихъ орудіяхъ, кажется, сохранилась въ тѣхъ сторожевыхъ чугунныхъ доскахъ, которыя и до сихъ поръ можно встрѣчать во многихъ церквахъ. Впрочемъ, нужно замѣтить, что, не смотря на повсемѣстное введеніе колоколовъ, въ лаврахъ и нѣкоторыхъ монастыряхъ и до сихъ поръ не вышли изъ употребленія и „била“. Введеніе въ употребленіе колоколовъ, не смотря на то, что приобрѣтеніе ихъ было сопряжено съ большими трудностями, мы встрѣчаемъ на Руси довольно рано. Колокола, конечно, сначала небольшіе, доставляются въ Россію изъ Византіи. Такъ, въ лѣтописяхъ мы находимъ извѣстіе, что въ 1066 году князь Всеславъ, по взятіи Новгорода, сѣма колоколы у св. Софіи. Галицкій князь Дмитрій не только выписывалъ колокола изъ Кіева, но и самъ лить: „въ Холмъ колоколы принеся изъ Кіева, другіе ту сольє“. Благочестивый князь Владиміръ Васильевичъ въ Любомлѣ около 1288 года, по сказанію лѣтописи, „поля колоколы дивны слышаніемъ, какихъ же не бысть во всей земли“. Въ началѣ 14 столѣтія въ Москвѣ являются мастера литейнаго дѣла. Такъ, въ лѣтописи подъ 1345 годомъ говорится, что Борисъ римлянинъ слилъ въ Москвѣ три большіе колокола, а въ 1342 году тотъ же Борисъ слилъ большой колоколъ для

св. Софіи. Въ 1534 году, по приказанію великаго князя Василія Ивановича, слить былъ колоколъ въ 1000 пудовъ и лить его Николай нѣмецъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что съ теченіемъ времени количество и размѣръ колоколовъ все увеличиваются. Въ 18 столѣтіи являются колокола исполинскихъ размѣровъ, какъ въ Москвѣ царь-колоколъ, единственный по величинѣ въ цѣломъ свѣтѣ. Изъ надписей на царѣ-колоколѣ видно, что онъ въ первый разъ былъ отлитъ при царѣ Алексѣѣ Мухайловичѣ въ 1654 году въ 8000 пудовъ; въ 1704 году бывшимъ въ Кремлѣ пожаромъ поврежденъ и до 1731 года „пребысть безгласенъ“; въ этомъ году снятъ и въ 1733 году, по повелѣнію Анны Іоанновны, перелить въ новый, еще большій колоколъ, при чемъ, къ прежнему вѣсу прибавлено еще „матеріи двѣ тысячи пудъ“¹⁾. Въ 1836 году, по повелѣнію императора Николая I, царь-колоколъ былъ вынутъ изъ земли и поставленъ на гранитный пьедесталъ, а до сихъ поръ болѣе столѣтія лежалъ въ землѣ, такъ какъ до сихъ поръ не былъ вынутъ изъ той ямы, въ которой былъ отлитъ. Надпись на пьедесталѣ говоритъ, что въ колоколѣ вѣсу 12,327 пудовъ 19 фунтовъ, что онъ отлитъ Маторинымъ-мастеромъ, имѣетъ 20 футовъ 7 д. высоты и 22 фута въ поперечникѣ; языкъ его 6 дюймовъ въ обхватъ, возлѣ лежитъ отломанная часть его. Въ мѣди, изъ которой отлитъ колоколъ, большая примѣсь золота и серебра. Въ Москвѣ много есть и другихъ, сравнительно меньшихъ, но все же замѣчательныхъ колоколовъ по вѣсу въ 2,—3,—4 тысячи пудовъ. Что касается формы русскихъ колоколовъ, то общепотребительная та, что поперечникъ его основанія равняется высотѣ его съ углами, составляющими въ свою очередь седьмую часть высоты и изготовляющимися въ зависимости отъ величины колоколовъ съ двумя или четырьмя отверстіями. Поперечникъ верхняго пояса, тамъ, гдѣ начинаются надписи или украшенія, составляетъ около $\frac{2}{3}$ попе-

1) Пам. древн. худ. въ Россіи 1854 г. стр. 35—38.

речника въ краяхъ. Такой своей формой русскіе колокола отличаются и отъ восточныхъ, японскихъ, китайскихъ и западныхъ, и много выигрываютъ предъ послѣдними въ красотѣ, а главное въ звукѣ. Лучшими заводами въ Россіи считаются Московскіе, колокола которыхъ отличаются чистотой и силой звука 1). Въ Россіи первые колокола помѣщались

1) Самый ходъ отливки отличается патріархальной простотой. Дѣло бываетъ такъ. Вся обстановка русскаго колокольнаго завода состоитъ: а) изъ глиномятной мастерской, гдѣ толкутъ кирпичъ, мнутъ глину и дѣлаютъ такъ называемую жиденъ; все это необходимо для формъ, въ которыхъ льютъ колокола; б) изъ литейной съ печью и ямой, гдѣ заформовываются и отливаются колокола; в) изъ точильной, гдѣ колокола обтачиваются и шлифуются и г) магазина съ вѣсами, гдѣ взвѣшиваются и хранятся колокола. Самыя формы, въ которыхъ льютъ колокола, состоятъ изъ трехъ частей: кирпичнаго болвана или лица, глинянаго тѣла и козуха или колпака, слѣпляемаго изъ смѣси глины и песку, разведенныхъ въ суслъ. Въ той же мастерской, гдѣ лѣпятъ формы, устраиваются и плавильныя печи. Отливка начинается молитвой. Колокольнымъ звономъ православные призываются разделить радость хозяина; въ мастерскую приносятъ икону, зажигаютъ свѣчи и начинаютъ молиться. Хозяинъ читаетъ молитву, мастера и рабочіе повторяютъ и всѣ отъ мала до велика молятся. Потомъ двери литейной затворяютъ, наступаетъ нестерпимая жара; хозяинъ даетъ знакъ начинать дѣло. Проворно рабочіе берутъ на перевѣсъ гвоздь или рычагъ, висящій на цѣпи или веревкѣ, привязанной вверху печи къ кольцу и, раскачивая его, постепенно пробиваютъ забитое глиной отверстие для плавильни. Изъ него вдругъ огненнымъ ключемъ вырывается мѣдь.... Требуется, чтобы мѣдь лилась ровно, исподоволь въ форму и не переполняла бы жолоба (выложеннаго изъ кирпича и плотно обмазаннаго глиной), ведущаго изъ отверстия вогнутаго дна плавильни, чрезъ которое льется металлъ въ другое отверстие, изъ котораго металлъ вливается въ форму. Отъ неровнаго литья мѣди въ форму можетъ часть пролиться на землю, а если не хватитъ мѣди хотя на половину ушей колокола, то вся работа потеряна и колоколъ при-

на крышѣ храма, въ башняхъ куполовъ, при входѣ въ церковь, въ звонницахъ, которыя устраивались и въ аркахъ крыльца, и въ самой церкви у западной стороны. Имя звонницъ усвоилось по преимуществу узкимъ, длиннымъ колокольнямъ, въ отличіе отъ другой формы колокольни въ видѣ круглой невысокой башни съ остроконечнымъ верхомъ. Помѣщеніе для колоколовъ, отдѣльное отъ храма, называлось еще бильницею (Ник. лѣт. 1, 173). Впрочемъ, отдѣльных колоколенъ въ первое время на Руси было мало.

Краткія свѣдѣнія, относящіяся къ изученію Библіи ¹⁾.

Священные книги Новаго Завѣта.

Общее содержаніе священныхъ книгъ Новаго Завѣта.

Въ Новомъ Завѣтѣ Божественное откровеніе сообщается людямъ во всей полнотѣ,—не въ отдѣльныхъ словахъ и дѣлахъ Господь открываетъ людямъ Свое существо и Свою волю, а въ такой степени и полнотѣ, въ какой Божественное постигается ограниченнымъ человѣческимъ существомъ. Когда многіе изъ Іудеевъ и язычниковъ усилленно начали желать и ожидать явленія въ міръ Спасителя и наступило „исполненіе временъ“, явился на землѣ среди людей Самъ Богъ во

дется перелить. Отлитый колоколъ оставляютъ на нѣсколько дней въ формѣ, а затѣмъ разбиваютъ на немъ кожухъ и переносятъ въ точильню, гдѣ сначала очищаютъ долотомъ, а потомъ насаживаютъ его на ось и, приводя его коннымъ приводомъ во вращательное движеніе, обтачиваютъ обыкновенными точилами, и колоколъ бываетъ готовъ.

²⁾ См. № 43-й за 1898 г.

образъ чловѣка—Иисусъ Христосъ,—явился для того, чтобы избавить людей отъ грѣховъ, проклятiя и смерти—дать людямъ благодатныя силы для жизни. По истинѣ можно сказать, блажени очи, видѣвшiя Его, и уши, слышавшiя Его.

Необходимо, чтобы люди, жившiе и живущiе послѣ времени пребыванiя Сына Божiя на землѣ, имѣли истинное и точное изображенiе жизни и дѣлъ Того, Который сказалъ о Себѣ: „видѣвый Мене, видѣ Отца“. Предъ нашими глазами долженъ быть всегда начертанъ самый правильный образъ прекраснѣйшаго изъ сыновъ чловѣческихъ, чтобы Его духовная красота наполняла наши сердца любовiю къ Нему. Если-бы мы не нашли такого образа въ священныя книги Новаго Завѣта, то мы имѣли-бы полное право считать себя несчастнѣйшими въ сравненiи съ очевидцами славныхъ дѣлъ Господа Иисуса Христа и слушателями Его Божественнаго ученiя.

Дѣло Господа Иисуса Христа не кончается вознесенiемъ Его на небо: Онъ и по вознесенiи дѣйствуетъ чрезъ Святого Духа, и эта дѣятельность особенно могущественно и замѣтно открылась миру въ первыя времена существованiя Церкви Христовой на землѣ. Эту особенную дѣятельность Св. Духа среди людей мы можемъ видѣть въ жизни первыхъ христіанскихъ общинъ апостольскаго вѣка.

Священныя книги Новаго Завѣта намъ предлагаютъ: четыре Евангелiя — точное, истинное изображенiе жизни, дѣлъ и ученiя Господа Иисуса Христа, книгу Дѣяній святыхъ Апостоловъ и посланiя апостольскiя.

Происхожденiе Евангелiй.

Источники о жизни Господа Иисуса Христа написаны Его учениками. Они были несомнѣнными свидѣтелями и очевидцами жизни и дѣлъ Господа Иисуса Христа (Дѣян. 1, 21, 22). Они повсюду проповѣдывали о жизни Иисуса Христа; вся проповѣдь ихъ состояла въ благовѣствованiи о

„Христѣ распятомъ“. Вслѣдствіе этого въ общинахъ христіанскихъ вскорѣ явилась потребность и желаніе имѣть письменное изложеніе ученія и дѣлъ Іисуса Христа. Удовлетворяя это благочестивое желаніе, апостолы оставляли своимъ общинамъ большія или меньшія письменныя изложенія земной жизни Господа Іисуса Христа. Въ этомъ случаѣ апостолы руководились тѣми же самыми побужденіями, какими руководились евангелисты Іоаннъ Богословъ и Лука и при написаніи своихъ Евангелій. Евангелистъ Іоаннъ говоритъ: „сія же писана быша, да вѣруете, яко Іисусъ есть Христосъ Сынъ Божій, и да вѣрующе животъ имате во имя Его“ (Іоан. 20, 31). А евангелистъ Лука о своемъ побужденіи къ написанію Евангелія говоритъ: „да разумѣши (Феофиле), о нихже научился еси словесѣхъ, утвержденіе“ (1, 4). Въ настоящее время, къ нашему счастью и радости, мы имѣемъ полныхъ 4 Евангелія о дѣлахъ, ученіи и жизни Господа Іисуса Христа. Два Евангелія принадлежатъ апостоламъ Магѳею и Іоанну, самовидцамъ и свидѣтелямъ земной жизни Іисуса Христа, а два—ученикамъ апостольскимъ Лукѣ и Марку, которые были постоянными спутниками двухъ первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла.

Д о с т о вѣ р н о с т ь Е в а н г е л і й.

Такъ какъ въ настоящее время весьма часто можно слышать нападки на священныя книги со стороны враговъ вѣры Христовой, то необходимо обратить особенное вниманіе на достовѣрность Евангелій и вообще новозавѣтныхъ писаній.

Въ доказательство достовѣрности Евангелій прежде всего можно сказать слѣдующее. Мы ясно видимъ, что писатели Евангелій сами стараются удовлетворить всѣмъ требованіямъ, какія могутъ быть предъявлены къ историческимъ повѣствованіямъ для испытанія ихъ достовѣрности. Евангелистъ Лука, напр., въ началѣ своего Евангелія говоритъ, что такъ какъ многіе прежде его дѣлали попытку изложить жизнь Господа Іисуса Христа, которая ему лучше извѣстна,

ибо онъ слышалъ объ этой жизни отъ самихъ очевидцевъ и служителей Слова,—„то и ему разсудилось, по тщательномъ изслѣдованіи всего свачала, по порядку описать“. Значить, послѣ честнаго и добросовѣстнаго труда, евангелистъ Лука рѣшается предложить свой трудъ нѣкоему Теофилу для назиданія его. При этомъ мы должны имѣть въ виду и то, что Лука былъ вѣрнымъ и постояннымъ спутникомъ апостола Павла, подъ непосредственнымъ вліяніемъ и руководствомъ котораго и писалъ свое Евангеліе. Такимъ образомъ за достоверность сообщаемаго въ его Евангеліи ручаются два лица—онъ и апостоль Павелъ, которыхъ въ неискренности подозревать мы не имѣемъ никакого права.

Далѣе, образъ Самого Иисуса Христа, какой мы видимъ у 4 евангелистовъ, ни въ какомъ случаѣ не могъ быть измысленъ человѣческими силами того времени, какъ дерзають говорить враги христіанства. Евангельскій образъ Иисуса Христа никогда не существовалъ прежде, и всѣ святые Ветхаго Завѣта во всемъ блескѣ своей святости нисколько не приближаются къ совершенству Господа Иисуса Христа. Спрашивается: откуда же евангелисты могли позаимствовать такой совершенный образъ? Если бы евангельскій образъ Иисуса Христа былъ измысленъ людьми, то онъ былъ бы выдуманъ или іудеемъ, или язычникомъ. Но іудейскій духъ не могъ иначе мыслить Мессію какъ только въ образѣ могущественнаго, земнаго царя. Самый совершенный между іудеями во время земной жизни Иисуса Христа—Іоаннъ Креститель,—и тотъ не чуждъ былъ понятій своего времени о Мессіи; а ученики Иисуса Христа даже въ послѣдній день земной жизни Иисуса Христа предлагали Ему вопросъ: „не въ сіе ли время, Господи, возстановляешь Ты царство Израилю?“ (Дѣян. 1, 6). Языческій духъ Божественную природу Господа Иисуса Христа не могъ иначе представить себѣ, какъ во образѣ великаго волшебника. Такой свой взглядъ на Иисуса Христа языческій духъ проявилъ особенно ясно въ такъ называемыхъ апокрифическихъ евангеліяхъ, сочинители

вогорыхъ хотѣли прославить Иисуса Христа. Въ этихъ евангеліяхъ разсказывается, напр., какъ младенецъ Иисусъ своими дѣтскими рученками разрываетъ змѣю, какъ изъ глины дѣлаетъ птицъ и заставляетъ ихъ летать къ изумленію своихъ товарищей и т. под. Если мы сравнимъ всѣ эти измышленія съ содержаніемъ истинныхъ Евангелій, то мы легко поймемъ, гдѣ правда и гдѣ вымыселъ. Наконецъ, въ Иисусѣ Христѣ мы не находимъ никакихъ крайностей и односторонностей, которыми всегда богаты измышленія. Иисусъ Христосъ по происхожденію, по человѣческой природѣ—іудей, но Онъ въ то же время и другъ язычниковъ; Онъ полонъ любви и знаетъ гнѣвъ; Онъ носитель Божественной премудрости и въ то же время нигдѣ не учился; Онъ всемогущъ и въ то же время кротокъ и смиренъ сердцемъ. Это святое во всемъ согласіе не можетъ быть измышленіемъ, а является несомнѣннымъ доказательствомъ дѣйствительнаго существованія того Божественнаго лица, о которомъ повѣствуютъ всѣ евангелисты. Такимъ образомъ, мы должны признать, что евангельскій образъ Иисуса Христа есть дѣйствительный, историческій, а Самъ Иисусъ Христосъ—по истинѣ Божественное Лицо и все, что говорится о Немъ въ Евангеліяхъ, нужно считать вполне достовѣрнымъ.

Значеніе четверичнаго числа Евангелій.

Если бы Господь Иисусъ Христосъ ничѣмъ не отличался отъ обыкновенныхъ людей и безмѣрно не превосходилъ-бы ихъ, то для насъ могло бы показаться лишнимъ существованіе четырехъ Евангелій. Но такъ какъ Божественное Лицо Иисуса Христа превосходить всѣхъ людей настолько, насколько Божественное превосходитъ земное и человѣческое, и—ни одинъ человѣкъ не можетъ въ своемъ маломъ духѣ вмѣстѣ и постигнуть всѣхъ сторонъ Божественнаго Лица Иисуса Христа, то является необходимость въ нѣсколькихъ Евангеліяхъ. Изображеніе жизни, дѣлъ и ученія Господа

Иисуса Христа однимъ лицомъ было-бы неполнымъ и несовершеннымъ. Чтобы восполнить неполноту каждаго въ отдѣльности евангелиста, Господу угодно было, чтобы Его образъ былъ изображенъ съ четырехъ различныхъ точекъ зрѣнія. Посему каждый евангелистъ изображаетъ жизнь, дѣла и ученіе Господа Иисуса Христа съ своей отдѣльной, опредѣленной точки зрѣнія, а всѣ вмѣстѣ представляютъ намъ полный и цѣльный образъ Господа Иисуса Христа, Его жизни и дѣятельности.

Христіанское искусство съ древнихъ временъ прилагало опредѣленные символы къ каждому евангелисту: Матѳею—человѣка, Марку—льва, Лукъ—теляца, Иоанну—орла. Этими символами имѣлось въ виду указать ту главную мысль, которую преслѣдуетъ каждый евангелистъ при изображеніи жизни и дѣятельности Иисуса Христа. Образъ человѣка показываетъ, что ев. Матѳею имѣеть въ виду главнымъ образомъ повѣствовать о человѣческой природѣ Иисуса Христа и поэтому начинаетъ свое Евангеліе родословіемъ Спасителя. Образъ льва указываетъ, что ев. Маркъ повѣствуетъ объ Иисусѣ Христѣ, какъ повелителѣ вселенной, о Его всемогуществѣ. Образъ тельца напоминаетъ о томъ, что Спаситель принесъ Себя въ жертву за грѣхи всего міра подобно тому, какъ приносили въ жертву тельцовъ. Наконецъ, образъ орла напоминаетъ намъ о томъ, что Иоаннъ Богословъ изображаетъ Иисуса Христа Богомъ, пришедшимъ съ неба на землю въ образѣ человѣка. О сошествіи Сына Божія съ неба лучше всего напоминаетъ намъ образъ орла, поднимающагося въ воздушныя пространства выше всѣхъ птицъ.

Евангеліе Матѳея.

Евангелистъ Матѳею былъ однимъ изъ 12 учениковъ Иисуса Христа. До призванія Господомъ былъ сборщикомъ податей и назывался Левіемъ. По преданію онъ проповѣдывалъ ученіе Христово въ Африкѣ, Европѣ и Азіи. Свое Евангеліе Матѳею написалъ раньше другихъ Евангелій на еврейскомъ

языкъ, но вскорѣ оно было переведено на греческій языкъ. Въ своемъ Евангеліи Матѳеѣй желаетъ доказать, что Иисусъ Христосъ обѣщанный Мессія и для этого часто приводитъ мѣста изъ священныхъ книгъ Ветхаго Завета. Особенность содержанія Евангелія состоитъ въ томъ, что въ немъ излагаются событія не въ хронологическомъ порядкѣ, а соединяются въ одно сходныя событія. Такъ, напр., въ нагорной проповѣди предлагаются намъ рѣчи, произнесенныя въ Галилеи, съ 8 главы рядъ чудесъ, а съ 13 притчи, которыя, конечно, произнесены Господомъ не въ одно время. Въ содержаніи Евангелія можно различать три части: 1) обстоятельства рождества Господа Иисуса Христа (Гл. 1 и 2); 2) дѣятельность въ Галилеи (3—20); 3) страданія, смерть, воскресеніе и вознесеніе (21—28).

Евангеліе Марка.

Маркъ, называвшійся еще Іоанномъ, былъ сыномъ богатой вдовы Маріи, имѣвшей свой домъ въ Іерусалимѣ, въ которомъ часто собирались первые христіане для молитвы (Дѣян. 12, 12). Съ ап. Варнавой Маркъ пришелъ въ Антиохію (Дѣян. 12, 25) и былъ спутникомъ Варнавы и апостола Павла во время перваго путешествія. Позднѣе мы встрѣчаемъ Марка вмѣстѣ съ апостоломъ Петромъ (1 Петр. 5, 13), который по преданію поставилъ его епископомъ Александріи, гдѣ онъ и умеръ мученически. Съ самыхъ древнихъ временъ утверждали, что Маркъ написалъ свое Евангеліе подъ руководствомъ ап. Петра. Евангеліе Марка отличается краткостію, силой выраженій, наглядностію и имѣетъ цѣлью представить Господа Иисуса Христа, какъ Повелителя вселенной съ Божественнымъ величіемъ и всемогуществомъ. По содержанію Евангеліе Марка сходно съ Евангеліемъ Матѳея; только оставляется у него исторія рождества Господа Иисуса Христа и начинается благовѣстіе съ проповѣди Іоанна Крестителя; въ Евангеліи Марка повѣствуется далѣе о дѣятель-

ности Господа въ Галилеи (1—13 гл.), о страданіяхъ, смерти и воскресеніи (14—16).

Евангеліе Луки.

О евангелистѣ Лукѣ извѣстно, что онъ былъ постояннымъ спутникомъ и сотрудникомъ апостола Павла, слѣдовалъ за нимъ въ Римъ, а умеръ мученически въ Ахаіи. Изъ посланій апостола Павла видно, что Лука зналъ врачебное искусство, а преданіе приписываетъ ему первыя христіанскія иконы Божіей Матери и апостоловъ Петра и Павла. Задавшись цѣлью доказать въ своемъ Евангелии, что Иисусъ Христосъ—Спаситель всего человѣчества, а не однихъ только іудеевъ, Лука доводитъ родословную Иисуса Христа до Адама; для этой же цѣли у него разсказывается о милосердномъ самарянинѣ, исцѣленіи десяти прокаженныхъ; для этого же у него чаще, чѣмъ у другихъ евангелистовъ, Иисусъ Христосъ называется „Сыномъ человѣческимъ“. Въ первой главѣ разсказывается объ обстоятельствахъ рожденія Іоанна Предтечи и Благовѣщеніе Пресвятой Дѣвы; во второй—исторія рождества и дѣтства Господа Иисуса Христа; съ третьей главы до 19-й изображаются дѣла Господа въ Галилеи; съ 19-й страданія, смерть, воскресеніе и вознесеніе на небо.

Евангеліе Іоанна.

Въ числѣ первыхъ призванный Иисусомъ Христомъ, Іоаннъ Богословъ оставался вѣрнымъ Ему и тогда, когда другіе апостолы оставили Его: Онъ шелъ съ Иисусомъ Христомъ на судилище, стоялъ у креста Его, гдѣ Господь поручилъ ему Свою Пречистую Матерь, повелѣвъ ему быть при Ней вмѣсто сына. Евангелистъ Іоаннъ принималъ ближайшее участіе въ жизни первыхъ христіанъ Іерусалимской церкви, а послѣ смерти апостола Павла прилагалъ большое попеченіе о малоазійскихъ церквахъ и жилъ въ Ефесѣ. По-

слѣ тяжелыхъ мученій онъ былъ сосланъ на безплодный островъ Патмосъ. Онъ умеръ въ глубокой старости.

Когда Іоаннъ писалъ свое Евангеліе, другія три Евангелія уже существовали и были извѣстны христіанамъ. Поэтому Іоаннъ Богословъ главнымъ образомъ повѣствуетъ о томъ, о чемъ мало или вовсе не упоминается у другихъ евангелистовъ; онъ излагаетъ жизнь Іисуса Христа, Его рѣчи и дѣла въ Іудеѣ. Главная цѣль написанія Евангелія—изобразить въ Іисусѣ Христѣ воплотившагося Бога. Евангеліе Іоанна называется иногда духовнымъ, потому что въ немъ содержатся возвышенныя бесѣды Господа о глубочайшихъ тайнахъ: о Святой Троицѣ, искупленіи, возрожденіи, причащеніи и др. А самъ св. Іоаннъ называется Богословомъ потому, что доказываетъ Божество Іисуса Христа, Который въ Евангеліи его называется „Словомъ“.

Кажущіяся противорѣчія въ Евангеліяхъ.

Что въ Евангеліяхъ есть нѣкотораго рода разности при повѣствованіяхъ объ одинаковыхъ событіяхъ, этого нельзя отрицать. Но это не даетъ намъ никакого права сомнѣваться въ достовѣрности повѣствованій, потому что въ главномъ всѣ четыре Евангелія удивительно согласуются между собою. Всѣ онѣ признаютъ Іисуса Христа Сыномъ Божиимъ, воплотившимся ради нашего спасенія; всѣ признаютъ, что Онъ великій Пророкъ и Учитель, слова Котораго—глаголы вѣчной жизни; всѣ свидѣтельствуютъ, что Іисусъ Христосъ Своєю Божественною силою творилъ чудеса; всѣ свидѣтельствуютъ, что Онъ искалъ у всѣхъ живой вѣры въ Его Божественное посланничество; всѣ удостовѣряютъ о святой жизни Іисуса Христа, Его смерти и славномъ воскресеніи. Что же послѣ этого могутъ значить разности у евангелистовъ такого рода: одинъ евангелистъ говоритъ объ исцѣленіи двухъ слѣпцовъ, а другой—одного? Или, одинъ говоритъ объ исцѣленіи одного бѣсноватаго, а другой—двухъ? Эти разности нисколько не

могутъ и не должны беспокоить вѣрующаго христіанина, а, наоборотъ, онѣ представляютъ сильное доказательство того, что всѣ четыре евангелиста писали свои Евангелія независимо другъ отъ друга, какъ подсказывало каждому его любящее, вѣрующее сердце, руководимое и просвѣщенное Святымъ Духомъ. Одинъ евангелистъ могъ обратить вниманіе на болѣе бѣсновавшагося и объ исцѣленіи его говорить, о другомъ же умолчать.

Книга Дѣяній святыхъ Апостоловъ.

Кромѣ Евангелій отъ апостоловъ остались еще и другія писанія, къ которымъ относятся: Книга Дѣяній святыхъ Апостоловъ, посланія апостольскія и Апокалипсисъ (Откровеніе).

Изъ книги Дѣяній святыхъ Апостоловъ, написанной евангелистомъ Лукой, мы знакомимся съ первою дѣятельностію апостоловъ, а особенно Петра и Павла, съ первыми успѣхами проповѣди апостольской при устроеніи на землѣ Церкви Христовой. Евангелистъ Лука написалъ книгу Дѣяній апостольскихъ для того же самого лица, для котораго написано имъ и Евангеліе, именно, для Теофила, и съ тою же самою цѣлью. Какъ спутникъ и свидѣтель всѣхъ дѣлъ апостола Павла, евангелистъ Лука могъ въ точности знать все то, о чемъ сообщаетъ онъ въ своей книгѣ: онъ могъ пользоваться совѣтами, наставленіями и разказами апостола языковъ, подъ руководствомъ котораго и закончилъ свой трудъ, около 61—63 года по Рождествѣ Христовомъ, во время узничества апостола Павла въ Римѣ. Ко всему, о чемъ говорится въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ, мы должны относиться съ полнымъ довѣріемъ, такъ какъ все это, если не самъ пережилъ евангелистъ Лука, позаимствовалъ изъ самыхъ надежныхъ источниковъ и провѣрилъ самымъ тщательнымъ образомъ, какъ заявлялъ евангелистъ Лука при написаніи Евангелія, а книга Дѣяній апостольскихъ служить

какъ-бы продолженіемъ Евангелія Луки, которое по отноше-
нію къ ней и называется первою книгою (Дѣян. 1, 1).

Хотя книга называется книгой Дѣяній святыхъ Апосто-
ловъ, но мы въ ней не находимъ полного изображенія
жизни и дѣятельности всѣхъ апостоловъ: она представляетъ
лишь простую исторію насажденія христіанской Церкви сна-
чала между іудеями апостоломъ Петромъ, потомъ между
язычниками въ Сиріи, Малой Азіи, Греціи и Римѣ преиму-
щественно трудами апостола Павла. О дѣятельности другихъ
апостоловъ Лука почти ничего не говоритъ, потому-ли, что
это не относилось къ его цѣли, или потому, что его книга
была уже окончена до ихъ смерти.

Апостольскія посланія.

Всѣхъ апостольскихъ посланій двадцать одно, изъ ко-
торыхъ 14 посланій апостола Павла, 2 посланія апостола
Петра, 3 посланія апостола Іоанна, одно посланіе апостола
Іакова и одно посланіе ап. Іуды.

Происхожденіе апостольскихъ посланій вызвано было
тѣмъ, что апостолы не могли быть лично во всѣхъ вновь
образуемыхъ ими христіанскихъ церквахъ, не могли непо-
средственно наблюдать за ними и утверждать ихъ въ хри-
стіанской вѣрѣ и жизни. Поэтому имъ нужно было замѣнить
свое личное присутствіе частію своими представителями, ча-
стію письменными наставленіями. Къ этой общей потребно-
сти присоединялись часто еще особыя побужденія къ пись-
меннымъ наставленіямъ, именно желаніе охранить неопыт-
ныхъ новообращенныхъ христіанъ отъ заблужденій и раско-
ловъ, распространяемыхъ различными лжеучителями. Но во-
обще посланія такъ же, какъ и Евангелія, назначались для
всей христіанской Церкви и называются семь изъ нихъ, по-
этому, соборными, т. е., вселенскими: ихъ цѣлью было на-
зиданіе не только современныхъ христіанъ, но и будущихъ
христіанскихъ поколѣній. Всеблагій Господь такъ умудрилъ

апостоловъ, что все, высказанное ими по поводу частныхъ и современныхъ событій и обстоятельствъ, имѣетъ силу и значеніе для всѣхъ временъ и всѣхъ христіанскихъ поколѣній, такъ какъ служить къ раскрытію и уясненію истинъ вѣры и нравственности христіанской, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ утвержденію въ умахъ и сердцахъ человѣческихъ Христова ученія.

Содержаніе апостольскихъ посланій весьма богато и разнообразно: въ нихъ заключается неисчерпаемая сокровищница христіанскихъ истинъ о различныхъ предметахъ вѣры и нравственности; но главная цѣль всѣхъ апостольскихъ посланій—утвердить въ умахъ и сердцахъ христіанъ три главнѣйшія добродѣтели: вѣру, надежду и любовь (1 Кор. 13, 13). Всѣ посланія въ этомъ сходятся и къ этому стремятся. Различіе только въ томъ, что апостоль Павелъ преимущественно говоритъ о вѣрѣ, апостоль Іоаннъ—о любви, а апостоль Петръ—о надеждѣ; поэтому эти три апостола и называются: апостоль Павелъ—апостоломъ вѣры, апостоль Іоаннъ—апостоломъ любви, апостоль Петръ—апостоломъ надежды. Всѣ апостола признаютъ, что основаніемъ всѣхъ добродѣтелей служить преданность сердца Господу Іисусу Христу; отъ этой преданности происходитъ истинная вѣра въ Бога, которая выражается въ любви къ Богу и ближнимъ и въ непоколебимой надеждѣ на Господа.

(Окончаніе будетъ).

Народныя представленія, соединяемыя съ именами святыхъ безсребренниковъ Космы и Даміана (1-го ноября).

Русскій народъ соединяетъ не мало особенныхъ вѣрованій съ именами свв. безсребренниковъ Космы и Даміана или (какъ выражается наше простонародье) „Кузьмы—

Демьяна“. Относительно, впрочемъ, распространеннаго вѣрованія въ ихъ врачебную помощь отъ разныхъ недуговъ, вслѣдствіе чего многіе и обращаются къ нимъ въ своихъ молитвахъ, особенно въ день памяти св. безсребренниковъ— 1-го ноября, слѣдуетъ сказать, что это вѣрованіе имѣетъ дѣйствительное основаніе въ сказаніи о жизни ихъ. Въ Четы-Минеи о свв. Космѣ и Даміану повѣствуется, что они „пріяша отъ Бога даръ исцѣленій и подаваху здравіе душамъ же и тѣлесемъ, врачующе всякія болѣзни, и исцѣляюще всякъ недугъ и всяку язю въ людѣхъ“. Далѣе, здѣсь же замѣчается, что „они не точію человѣкомъ помогаху, но и скотомъ, и ни отъ кого же что за сіе пріимаху, творяху бо сія вся не имѣній ради, дабы златомъ или серебромъ обогатиться, но Бога ради. Того ради и безмездніи врачеве, и безсребреницы отъ вѣрныхъ наречены быша“. Изъ Сказанія о святыхъ, коимъ и каковыя благодати даются отъ Бога, видно также, что наши предки молились святымъ безсребренникамъ Космѣ и Даміанѣ о прозрѣніи разума въ ученію грамотѣ. Въ одномъ азбуковникѣ 17-го вѣка мы находимъ прямое замѣчаніе: „есть обычай многимъ учащимся совершати молебная святымъ безсребренникамъ Космѣ и Даміану“. Но въ житіи этихъ угодниковъ мы не находимъ никакого основанія для такихъ молитвъ, легко, впрочемъ, объясняемыхъ обычаемъ начинать обученіе дѣтей грамотѣ 1-го ноября. Извѣстно, что и греки почитали св. Косму и Даміана помощниками въ книжномъ ученіи.—Далѣе, простой русскій людъ называетъ св. Косму и Даміана „Божіими кузнецами“; мастера кузнечные считаютъ ихъ своими покровителями и потому почитаютъ грѣхомъ работать въ своихъ мастерскихъ въ день памяти свв. Космы и Даміана 1). Во многихъ мѣстахъ въ честь свв. Космы и Даміана изстари ведется обычай изготовлять къ 1-му ноября какія-либо обѣтныя работы

1) Поэт. возвр. слав. на прир. Аванасьева т. 1, стр. 560, 562.

и вырученные за нихъ деньги употреблять на покупку свѣчей къ иконамъ или для раздачи нищимъ. По народному представленію, эти святые сами занимаются кузнечнымъ дѣломъ; между прочимъ, они куютъ плуги и раздаютъ ихъ людямъ для воздѣлыванія земли 1). Народныя загадки кованую желѣзную цѣпь называютъ „кузьмою“, примѣняясь въ этомъ случаѣ къ имени св. Космы, Божьяго кузнеца: „узловать Кузьма, развязать нельзя“. Какъ Божьимъ кузнецамъ, свв. Космѣ и Даміану народное воображеніе приписываетъ, въ видѣ атрибута, одно изъ важнѣйшихъ кузнечныхъ орудій—молотъ и поставляетъ въ зависимость отъ нихъ заключеніе брачныхъ союзовъ. Такъ, въ одной старинной пѣснѣ говорится, между прочимъ: „святой Кузьма Демьянтъ, приходи на свадьбу къ намъ съ своимъ святымъ кузломъ (молотомъ), и скуй ты намъ свадебку крѣпко, накрѣпко“. Итакъ, сковать свадьбу значитъ какъ бы утвердить обязанности, какія налагаютъ на себя вступающіе въ супружество. Понятно, что наши предки усвоили св. Космѣ и Даміану покровительство надъ свадьбами (которыя особенно совершаются въ сельскомъ быту около дня памяти этихъ угодниковъ), благодаря главнымъ образомъ созвучію имени Космы съ народнымъ названіемъ молота кузломъ 2). Совпаденіе съ днемъ св. Космы и Даміана явленій зимней природы послужило основаніемъ для слѣдующихъ народныхъ примѣтъ: „Кузьма закуетъ, а Михайло раскуетъ; Кузьма и Даміанъ съ гвоздемъ“.—Наконецъ, свв. безсребренники Косма и Даміанъ извѣстны еще въ простонародьи какъ хранители куръ, отчего и самый день памяти ихъ у нашихъ поселянъ извѣстенъ подъ именемъ „куриного праздника“ или „куриныхъ именинъ“. Въ старину наши предки даже наблюдали особенный обычай въ честь этихъ угодниковъ, извѣстныхъ въ народѣ подъ именемъ „курятниковъ“; именно, московскія

1) Тамъ же, стр. 30, т. 2.

2) Тамъ же, т. 1, стр. 466.

хозяйки 1-го ноября собирались вокругъ церкви свв. Космы и Даміана съ курами и потомъ разсылали своимъ знакомымъ и уважаемымъ лицамъ куръ, въ видѣ подарка. Основаніемъ народнаго представленія о покровительствѣ свв. Космы и Даміана курамъ могло послужить то обстоятельство, что вообще эти домашнія птицы въ быту нашего народа составляютъ непремѣнную принадлежность свадебныхъ собраній и необходимое кушанье; притомъ по этимъ птицамъ особенно любятъ гадать наши деревенскія дѣвушки о суженыхъ и ряженыхъ. Такимъ образомъ, русскому человѣку всего естественнѣе казалось отдать домашнихъ птицъ—куръ подъ покровительство свв. безребренниковъ Космы и Даміана — покровителей свадебъ.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Іоанниій.

Отъ Кіев. Ком. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 22 сентября 1898 г.

Цензоръ, э.-орд. проф. Акад., прот. *І. Корольковъ.*

Тип. Петра Барскаго, Крещатикъ, собств. домъ № 40.